

Самым первым со времён Киевской Руси высокопоставленным российским должностным лицом, лично посетившим Вильну, был царь Алексей Михайлович Романов (1629-1676), срочно прибывший сюда в августе 1655 года.

Неотложная надобность возникла ввиду того, что ранее часть местной шляхты присягнула гетману украинских казаков Богдану Хмельницкому, а тот, в свою очередь, попросил принять всю Малороссию в полное подданство «под руку московского царя» и «прислать воевод с полками во все украинские города собирать доходы в российскую казну». А ещё - поставить в Киеве митрополита, канонически подчиняющегося патриарху Московскому, а не Царьградскому. И молодой московский государь поддался уговорам бояр, решив осуществить смелый план первого наступательного похода на запад, в литовские земли: «добывать» Смоленск и «за прежние неправды отнять у них города, неправильно захваченные ими у русских».

«Московский предводитель вторгнулся в город с бесчисленными толпами татар и казаков, и начавшийся при взятии города пожар продолжался более двух недель,» - пишет Флегонтом Смирнов в книге «Историческое описание. Виленский Свято-Духов монастырь».

После захвата города войсками можно только представить, как навели страху на горожан проскакавшие по городским улицам, посвистывая нагайками, сначала около трёхсот царских «жильцов», отвечающих за повседневный быт царя (постельничие, стольники, окольничие и стряпчие), потом столько же «бердышников» с бердшами на длинных ручках, несущие их на плече, а следом ещё до пятисот рейтар (наёмных всадников. — В.К.Н.) с пиками. Вся эта кавалькада, как пишет историк С.М.Соловьёв, была обычным сопровождением «царского возка» - английской кареты, запряжённой шестёркой лошадей с колыхавшимися на ветру «немецкими перьями» (так называли конские султаны), которую окружали чинно вышагивавшие два десятка пеших стрельцов из личной охраны с длинными пищалями.

Виленчане встречали «тишайшего» из российских царей поклонами в пояс, окрестные крестьяне толпами падали ниц, а духовенство во главе с настоятелем Свято-Духова монастыря Иосифом Тукальским вышло с хоругвями, распевая церковные гимны. Всю округу оглашал перезвон колоколов.

Следует отметить, что отец знатного московского гостя, Михаил Фёдорович Романов, 21 февраля 1613 года наречённый всенародным Земским собором на царствование и одновременно спасённый от польских лазутчиков Иваном Сусаниным, зля на западных соседей за захват ими Московского Кремля не таил. И когда в 1637 году из Вильны с челобитной о милостыне к нему обратились наместник Свято-Духова монастыря Леонтий Шитин-Залесский и дидакал (то есть педагог) Виленского духовного училища Вениамин Севастьянович, царь выделил на достройку каменного храма 200 рублей. Для сравнения: мушкет с фитилём тогда обходился казне в 1,5 рубля.

Тогда же, как пишет историк Н.Костомаров, царь и патриарх приказали «начать неприязнен-

ные действия против Польши и прекратить сношения с Литвой из опасения какого-нибудь зла от литовских людей, и не велено было покупать у них хмель, потому что «баба-ведунья наговаривает на хмель, и они провозят моровое поветрие».

Через 50 лет в Вильне уже

стали за одержанную победу над войсками Карла XII, подарил ей знамя, отнятое в той победе у шведов, которое впоследствии было передано в Пулавский музей, и крестил в ней африканца Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А.С.Пушкина».

Волею судьбы в другом

тальной перестройки собора, проводимой под руководством архитектора Лауринаса Стуоки-Гуцявичюса. И городской управе, по случаю приезда высоких гостей, было списано долгов за недоимки по налогообложению ещё на 36 000 рублей.

«Гатчинский затворник», как

в прежние посещения никогда не было, хотя жители Литвы, боготворившие Александра, каждый раз старались заявить ему свою любовь и преданность. Государь въезжал с Антоколя по Свенцанской дороге. Возле Вершубки, то есть оконечности Антоколя, ожидал Государя главнокомандующий первой армией Барклай де Толли, далее виленский магистрат, все городские контуберии и цехи со знамёнами, булавами, значками, литаврами; еврейский кагал с десятословием, все монашеские возле костёла Иисуса; тысячи народа залили площади и улицы на всём пространстве от Вершубки до дворца, то есть на расстоянии почти семи вёрст. Даже антокольские холмы, башни костёлов, крыши домов усеяны были народом. Возле Кафедрального собора ожидал капитул с епископом, далее студенты университета, университетский сенат со всеми профессорами и ректором во главе (Иваном Снядецким), воспитанники гимназий, военные и гражданские чины, многочисленное дворянство и, наконец, перед самым дворцом много литовских красавиц большого света, разряженных и с букетами».

Именно в Вильне Александр I принял весть о том, что войска Наполеона переходят Неман, означавшую начало войны, здесь же позже бесславно и закончившуюся:

«Бегущий неприятель оставил в оном большие госпитали и значительные магазины как с хлебами, с оружейными комиссариатскими (не удалось точно установить, что это означает. — В.К.Н.) вещами. В числе пленных при занятии города Вильны находились 7 генералов». Картины общей трагедии французской армии дополняют сведения из другого источника: взяты в плен ещё «18 штаб-офицеров, 224 обер-офицера, 9517 солдат. К концу ноября больных и раненых в госпиталях насчитывалось 5139. Ostatные вымерли».

12 декабря 1812 г. Александр I оставил Петербург и прибыл в Вильну «с победоносным войском праздновать день своего рождения, ровно через шесть месяцев после того, как в той же Вильне объявил, что не положит оружия».

Здесь же, в Вильне, император Александр подписал указ о возведении в Москве, в память о наполеоновском нашествии, храма Христа Спасителя: «В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознёс себя народ российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели». Правда, средства на этот величественный храм всем миром собирали по российским церквям более сорока лет...

О личных качествах Александра I, названного «Благословенным», проявленных им по отношению к нашему городу, можно судить по книге А.Виноградова «Православная Вильна» (1904 г.): «В Отечественную войну 1812 года, при проходе французских войск через Вильну, Свято-Духов монастырь очень пострадал. Храм и монастырь были разграблены, церковный иконостас испорчен, в алтаре устроена кухня. Император Александр I в один из приездов через Вильну обратил внимание на ветхость монастырских зданий: 6 июля 1814 г. было прислано шесть тысяч рублей на ремонт».

(Окончание в следующем выпуске «Православной страницы».)

Визиты в Вильну царствующих особ дома Романовых

От Алексея Михайловича до Николая Александровича

Четыреста лет назад, 3 марта 1613 года, российский Земский собор избрал на царство Михаила Романова, и в течение последующих трёх веков судьба России оказалась неразрывно связана с этой правящей династией.

И не только России. Литва, и, в частности, Вильнюс, неоднократно пересекались со многими представителями этой династии, что особенно отразилось в истории здешних православных и католических храмов.

Не все знают, что Павел I, например, выдал римско-католической епархии солидную сумму на завершение капитальной перестройки Кафедрального собора. Что торжественные ризы Свято-Духова монастыря до революции были непосредственно связаны с кончиной Николая I. Что под окладом иконы Остробрамской Божьей Матери по сей день таится незалеченный след русско-шведской Северной войны. И что судьба московского храма Христа Спасителя тоже, между прочим, началась в стародавней Вильне...

без пышностей прежней придворной жизни московских царей, скромно и по-простому, неоднократно жила первый российский император Пётр Алексеевич (1672-1725), в бытность, когда его «потешные войска» под барабанный бой брали оборонительные фортификации города в ходе Северной войны со шведами за выход России к Балтийскому морю. Между прочим, рана на иконе Остробрамской Божьей Матери от выстрела одного из шведских солдат в сторону Святых Ворот, прикрытая окладом, до сих пор не залечена.

На постое русские войска располагались на Снопешских равнинах, сам же Пётр I отдавал предпочтение противоположному берегу Вилии и останавливался на холмистом Антоколе, устраивая временную резиденцию в «палатах у пана Слушки», где за кружкой пива крепко обдумывал, в каком месте удобней «прорубить окно в Европу».

Этот реформатор заставил своих подданных учиться и работать: «Побеждать иноземцев, чтоб они не смели презирать нас; возьмём у них науку, благодаря которой они так превосходят нас; приобретём морские берега, обогатимся торговлею, заведём промыслы, проложим дороги, пророем каналы, переведём все их хорошие книги на свой язык».

На одной из гранитных памятных досок на столичной Пятницкой церкви выбито в надание потомкам: «В сей церкви император Пётр Великий в 1705 году слушал благодарное молеб-

пригороде Вильны, в своём имении Маркутье, нашли упокой старший сын поэта Григорий Александрович с супругой Варварой.

Следующим из российских царственных особ, почтивших наш город личным присутствием, был император Павел Петрович (1754-1801), вступивший на престол 6 ноября 1796 года после смерти своей матери Екатерины II, в эпоху царствования которой произошёл раздел Речи Посполитой и Литва перешла под юрисдикцию России.

Кстати, императрица Екатерина II (1762-1796), урождённая София Фредерика Августа, бывшая немецкая принцесса из Ангальт-Цербстского княжества, тоже «отметилась» в нашем городе - во всех своих регалиях она десять лет простояла в начале XX века на Кафедральной площади в виде помпезного бронзового памятника работы известного скульптора М.Антокольского, местного уроженца.

Павел I с сыновьями, великими князьями Александром и Константином по приезде в Вильну отслужили благодарственный молебен в Свято-Духовом монастыре, а затем осмотрели, как ведутся строительные работы католического Кафедрального собора, не раз страдавшего от частых наводнений и пожаров. И хотя этот самодержец отличался в быту экономностью, переходящей в неприличную скупость, он ассигновал 10 000 рублей римско-католической епархии на завершение капи-

называли Павла I в народе, завершил эту поездку смотром войск Псковского мушкетёрского полка, расквартированного в Вильне, вымостившая их шагать на прусский манер высоким строевым шагом.

Вечером на праздничном балу все кавалеры присутствовали в напудренных париках с «прусской косичкой». Как пишут историки, личным распоряжением Павла I по всей империи было запрещено «ношение круглых шляп, сапог с отворотами, длинных панталон, а также завязок на башмаках и чулках, вместо которых предписывалось носить пряжки, а волосы должны были зачёсываться назад, а отнюдь не на лоб».

Хотя эти ограничения были не по нраву местной знати, все требования были соблюдены. Торжественный ужин и бал продолжались до самого утра.

Александр Павлович (1777-1825) полюбил «стародавнюю Вильну» ещё подростком, когда приезжал сюда с отцом. У него были в городе любимые уголки, упоминания о которых мы находим в «Живописной России»: «Недалеко от Маркуц находится самая возвышенная местность в окрестностях Вильно, называемая Гуры, некогда владения Пацов, любимое место прогулок императора Александра I».

Судя по всему, горожане отвечали этому государю взаимностью. Вот как описан в 3-м томе «Живописной России» визит главы государства 14 апреля 1812 года: «Встреча была приготовлена самая блестящая, какой